

Проблема инаковости в рассказах Э.М. Форстера

Рассказы в художественной системе английского прозаика Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879-1970) долгое время не привлекали особенно широкого внимания и не получали большого отклика в критической литературе. Так, в советском литературоведении исследованию рассказов писателя посвящена единственная статья известного критика и литературоведа Н.П. Михальской [Михальская, 1979]. Однако в силу известных причин, в том числе и идеологического свойства, данное исследование вряд ли можно назвать комплексным. В существующих монографиях зарубежных ученых, посвященных творчеству Э.М. Форстера, основное внимание авторов сосредоточено на анализе романов прозаика. Более того, в статье, вышедшей без указания имени автора в «Литературном приложении к газете “Таймс”», рецензент подвергает сомнению оригинальность рассказов Форстера: «... Мы не уверены, что эти рассказы можно считать всецело удавшимися и оригинальными по их построению...» [Forster, 1973, 177]. Рецензент все же признает самостоятельность писателя в раскрытии поставленных тем: «...но к трактовке проблемы автор подходит по-своему» [Forster, 1973, 177].

На постсоветском пространстве единственным диссертационным исследованием, посвященным творчеству Э.М. Форстера, является работа Л.И. Сероменко [Сероменко, 2001]. Автор исследует греко-италийские образы и мотивы в рассказах прозаика. Важно подчеркнуть, что исследователь обращает внимание на самоценную значимость новеллистики в художественном наследии Э.М. Форстера.

В данной статье рассматриваются рассказы Э.М. Форстера, вошедшие в сборник «Небесный омнибус» («The Celestial Omnibus», 1911): «История о панике» («The Story of a Panic», 1904), «Друг викария» («The Curate's Friend», 1907), «Небесный омнибус» («The Celestial Omnibus», 1908), «Иное царство» («The Other Kingdom», 1909). Целью данного исследования является раскрытие проблемы инаковости в вышеуказанных рассказах. До настоящего времени данная проблема не становилась предметом специального и детального рассмотрения в отечественном и зарубежном литературоведении. Более того, в белорусском литературоведении рассказы Э.М. Форстера анализируются впервые.

Прежде чем приступить к анализу новеллистики Форстера, необходимо уточнить, что в данной статье мы не будем иметь оперировать сугубо философским определением

инаковости как способом презентации Другого и/или имманентным его качеством¹. Полагаем, что в художественном мире рассказов писателя инаковость обозначает и модель идеального мира, предлагаемого Э.М. Форстером в качестве альтернативы миру обыденному; под инаковостью в данном случае мы понимаем «иное царство» (название одноименного рассказа Форстера). Любопытно отметить, что слово *other* (другой, иной) можно считать характерным как для ранней, так и для поздней новеллистики: *The Other Side of the Hedge* (1904), *The Other Kingdom* (1909), *The Other Boat* (1957-1958).

При всем разнообразии рассказов Форстера (многие из них написаны на фантастические сюжеты, другие представляют собой философские притчи), существует тот общий стержень, который позволяет прочесть их как нечто целостное, где герои – будь то мальчик с улицы Бекингем Парк-роуд («Небесный омнибус»), или простодушная, прямолинейная Ивлин («Иное царство»), или стареющий мистер Лукас («Дорога из Колона»), или эмоциональная мисс Рэби («Вечное мгновенье») – ищут самих себя в «ином царстве». Этим центром является дихотомия «реальный мир» – «мир иной». В рамках этой оппозиции и развивается действие всех рассказов Форстера, под ее воздействием происходит трансформация героев.

Путешествие в «иное царство» доступно, однако, не всем, а лишь героям с «развитым» сердцем. Следует отметить, что дихотомия «развитое» – «недоразвитое» сердце является концептуальной для всего творчества Э.М. Форстера. Писатель отмечал, что в стенах закрытых привилегированных учебных заведений вырастают англичане с «недоразвитыми сердцами». Однако следует иметь в виду, что «недоразвитое» сердце не означает «черствого» сердца, сердца без чувств. В эссе «Заметки об английском характере» Форстер указывает, что у самодовольных и черствых англичан чувства «остаются под спудом, не находят себе применения» [Форстер, 1977, 294]. «Воспитание чувств» поэтому является одной из ведущих тем в творчестве Э.М. Форстера, и он ведет борьбу с «недоразвитым сердцем»; достигнуть «иного царства» в состоянии лишь эмоциональные, простодушные, по-детски непосредственные герои.

Одним из таких героев является четырнадцатилетний Юстас из рассказа «История о панике». В рассказе описание паники, пережитой от встречи с лесным богом Паном, является ярчайшей частью сюжета. Главным его событием является явление Пана Юстасу:

¹ Отметим, что фигура Другого присутствует в некоторых рассказах Э.М. Форстера, например, «Сирене» («*The Story of the Siren*», 1920) [Половцев, 2005].

«История о панике», по мнению зарубежного исследователя У. Стоуна, повествует о «вхождении бога в человека» [Стоун, 1966, 131].

Действие рассказа разворачивается на природе, на фоне итальянских гор и долин. Люди, которыми окружен Юстас, не готовы к встрече с духом «великого Пана» и с самим собой: ограниченный сноб Титлер, сентиментальный Лейланд, священник Сэндбах представляются героями с «недоразвитым» сердцем. Все они склонны подавлять естественные чувства и оценивать пейзажи с позиций коммерции. Итогом дискуссии среди путешественников становится заявление: «Пан мертв!». В ответ природа замерла, наступившее молчание прерывает лишь свистулька Юстаса. При встрече с Паном (на его присутствие указывают следы копыт), и туристы испытали *зверский, овладевающий физический страх, затмевающий зрение и ... наполняющий рот омерзительными привкусами. ... Я* [повествователь. – Д.П.] *был напуган не как человек, а как зверь* [Forster, 2002, 15]. В «Истории о панике», который является первым рассказом Форстера, скрешиваются идеи последующего творчества писателя. По этому поводу Н.П. Михальская указывает, что «... мир рассказов Форстера живет полной жизнью лишь при соотнесении его с “большим миром” форстеровских романов» [Михальская, 1979, 95-96]. На наш взгляд, справедливым является и обратное утверждение. Встретиться с «неизвестным» предстоит всем героям романов Э.М. Форстера. Так, например, записка младшего Эмерсона, обнаруженная Шарлотой Бартлет (героиней «итальянского» романа Э.М. Форстера «Комната с видом» («A Room with a View», 1908), *стала* [для Шарлоты. – Д.П.] *угрожающей, отвратительной; она предвещала нечто дурное* [Forster, 1976, 18]. Элен Шлегель (героиня романа «Хауардз Энд» («Howards End», 1910)² впадает в истерику при контактах с окружающим миром; для нее столкновения с инаковостью происходят болезненно: она окружена «паникой и пустотой». Хотя она и проецирует последние на семейство Вилкокс, на самом деле они являются ее собственными: именно так она реагирует на предстоящую помолвку сестры: *Паника и пустота, – всхлинула Элен, – Не надо!* [Forster, 2000, 147]. Главная героиня романа «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924) Адела Куестед предстает в статусе «Я сам как Другой». В результате осознания своей внутренней инаковости она переживает душевное потрясение. Неспособность найти внутреннюю гармонию приводит ее к нервному срыву. Адела, говоря словами Э.М. Форстера, не может «соединить» («connect») внешнюю жизнь с внутренней, прозу жизни и ее поэзию, себя и

² Любопытно отметить, что в романе часто встречаются синонимы «неизвестного» и «невидимого»: «invisible», «unknown», «infinity», «the obscure borderland», «the submerged», «a more inward light», «the inconceivable» и др.

Другого внутри себя. Данная статья не предполагает анализ романов Э.М. Форстера, но нельзя не отметить, что истоки указанных выше идей, характерных для романов прозаика, берут свое начало у Форстера-новеллиста.

Итак, после встречи с Паном, единственным человеком, не испытывавшим «страх» и «панику», оказался Юстас. Группа туристов не выдержала испытание красотой природы. Юстас с восторгом говорит о ночи, проведенной в лесу, о звездах, о реках и водопадах, о дожде и порывах ветра. По пути в отель он целует незнакомую крестьянку, по возвращению стремится завязать дружбу с официантом Дженнаро: *Юстас подпрыгнул, чтобы встретить его* [Дженнаро. – Д.П.], *прыгнул прямо к нему на руки и обнял его за шею* [Forster, 2002, 21-22]. И Юстас, и Дженнаро достигают понимания и духовной близости. Окружающие шокированы поведением Юстаса, они готовы объявить его сумасшедшим. Когда Юстаса обманом заставляют вернуться в дом, он шепчет: *Я видел все, а теперь я не вижу ничего*. Более того, его пугает собственная комната: *Не в мою комнату, – он умолял, – Она очень маленькая* [Forster, 2002, 30]. Она представляется Юстасу комнатой без «вида». Интересно, что в творчестве Форстера образ «вида», закрепленный в названии романа «Комната с видом», становится символом раскрепощенного сознания человека (view – vision = вид – видение), преодолевающего ограниченность своего мышления, подобно тому как чудесный вид из комнаты расширяет и облагораживает ее пространство. Для Юстаса боязнь пространства без «вида» соотносится с невозможностью нахождения в окружении недалеких людей. В конце рассказа Юстас совершает побег из отеля, *и далеко-далеко ... все еще были слышны крики и смех убегающего мальчика* [Forster, 2002, 33].

Подобное путешествие совершает и героиня рассказа «Иное царство» Ивлин Бомонт. Нелепая и трогательная девушка из Ирландии, *без денег, без связей, ... без роду, без племени* [Форстер, 1977, 191] восстала против условностей и предрассудков английского общества, обратилась в листву и спаслась. Ее превращение в дерево выражает действие, подобное протесту Юстасу.

Обыденность и фантастика также положена в основу построения рассказа «Небесный омнибус» Мальчик, проживающий в доме по Бекингем Парк-Роуд, покупает билет на омнибус и, поднявшись в облака, совершает путешествие по радуге. С помощью воображения, способного преобразить повседневную действительность, мальчик постигает чудеса жизни и оказывается окутанным в *золотые ткани волшебного царства* [Форстер, 1977, 169]. Путешествие мальчика в «иное царство» вызвано духовной нищетой родительского дома. По мнению У. Стоуна, это путешествие представляет собой «полет в поэзию и из угнетения, угнетения родителей, респектабельности, ... порядка [курсив наш. –

Д.П.]] [Стоун, 1966, 149]. Полагаем, что такое определение применимо к путешествиям в «иное царство» большинства героев рассказов и романов Э.М. Форстера. Вместе с мальчиком на небеса поднимается и ограниченный, но самоуверенный мистер Бонс. Однако именно по причине отсутствия воображения не достигает «иног царства» и не испытывает «мгновения прозрения» («moments of vision») мистер Бонс (Бонс = Сноб), герой «плоский» («flat») (по терминологии самого Э.М. Форстера) и с «недоразвитым» сердцем. Для него путешествие в «иное царство» оборачивается реальной гибелью.

Следует отметить, что не всегда создаваемый Форстером «иной» мир жестко обходится с самодовольными обитателями мира реального. В рассказе «Друг викария» мифическое существо Фавн является викарию во время пикника, и священник бросает ему вызов своим самодовольным тоном: *Бедное лесное создание! ... Твоя мелкая природа неспособна понять жизнь самоотречения* [Forster, 2002, 90]. Тогда Фавн испытывает способность самого викария к самоотречению тем, что заставляет его девушку влюбиться в его друга.

В заключении отметим, что конец во всех рассказах примерно одинаков: те, кто поддаются зову «иног царства» и следуют ему, получают в дар форстеровскую свободу. Если среда героев Э.М. Форстера по «эту сторону» (один из рассказов Форстера носит название «По ту сторону изгороди» («The Other Side of the Hedge», 1904) соткана из *мелких ошибок, глупости или тщеславия*, то «та сторона», куда стремятся томящиеся души его героев, представляет собой жизнь с *ее борьбой и победами, ... с ее глубоким ... смыслом и с ее неведомой целью* [Форстер, 1977, 229]. Тем не менее, у каждого героя своя «та сторона». Это и *радуга, по которой можно ходить*, и «иное царство», которое вот-вот унесет героиню прочь ... *от всего нашего общества, от нашей жизни*, и то безмятежное место, которое дарует *счастье и душевный покой*. Путь героев Э.М. Форстера в «иное царство» чрезвычайно труден. Не все герои решаются проделать его, а некоторые вообще не допускают существования «той стороны». Другие готовы вернуться назад на полпути, а для некоторых *возврат ... невозможен*, и приходится *вслепую, извиваясь, пробираться вперед* [Форстер, 1977, 229]. Еще одни, перебравшись, находят это место всего лишь тюрьмой, а иные черпают из него *силу и вдохновение, подобно тому, как деревья черпают силу из подземного источника* [Форстер, 1977, 229]. *Оставь сомнение всяк, сюда входящий* – это, по мнению Форстера, ключ к вратам «той стороны» и «иному царству», и ключ этот поворачивается посредством работы воображения, способного творчески преобразить действительность, посредством раскрытия «я» через приобщения к Книге самопознания.

Итак, в данной статье рассмотрена проблема инаковости в рассказах Э.М. Форстера, которая просматривается в дальнейшем в романах прозаика. Этим определяется необходимость и перспективность исследования новеллистики писателя.

Литература

1. Михальская Н.П. Рассказы в художественной системе Э.М. Форстера // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Под ред. Н.П. Михальской. М., 1979. – С. 91-107.
2. Половцев Д.О. Новелла Э.М. Форстера «Сирена» в свете философии М. Фуко // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета. 21-22 апреля 2005г.: в 5ч. Ч.5. / отв. ред. Н.П. Баранова. – Мн.: МГЛУ, 2005. – С. 70-72.
3. Сероменко Л.И. Новеллистика Эдварда Моргана Форстера: греко-италийские образы и мотивы. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 208с.
4. Форстер Э.М. Вечное мгновенье // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – С. 247-280.
5. Форстер Э.М. Заметки об английском характере // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – С. 283-295.
6. Форстер Э.М. Иное царство // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – С. 183-210.
7. Форстер Э.М. Небесный омнибус // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – С. 165-183.
8. Форстер Э.М. По ту сторону изгороди // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – С. 223-230.
9. Forster E.M. Collected Short Stories. L.: Penguin Books, 2002. – 222p.
10. Forster E.M. The Critical Heritage. Ed. by Philip Gardner. London and Boston, 1973.
11. Forster E.M. Howards End. L.: Penguin Books, 2000. – 302p.
12. Forster E.M. A Room with a View. L.: Penguin Books, 1976. – 224p.
13. Stone W. The Cave and the Mountain. A Study of E.M. Forster. Stanford (Calif), Stanford univ. press; London, Oxford univ. press, 1966. – 436p.

Summary

The article («The Problem of Otherness in E.M. Forster's Short Stories») investigates the problem of otherness in the short stories of Edward Morgan Forster. The author states that there is a close interrelation among E.M. Forster's novels and short stories, the latter having outlined the major themes including the problem of the Other and otherness.